

Константинова Алина

Посмотри
на меня

18+

Алина Константинова
Посмотри на меня
Серия «Без гарантий», книга 2

<https://litres.ru/74074124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она всегда была тенью. Тихая, незаметная, привыкшая, что её не замечают. В университете она смотрела на того, кто никогда не посмотрит на неё. Дома — слушала, как отец смотрит новости и молчит. В мире, где всё решают деньги, связи и громкие голоса, она научилась не просить, не жаловаться и не надеяться.

Но однажды она поняла: быть невидимой — это не судьба, а выбор. И она сделала другой.

Это роман о том, как тихая девочка перестаёт быть пустым местом. О том, как трудно научиться дышать, когда рядом рушится мир. О том, как найти опору в себе, когда больше не на что опереться.

«Посмотри на меня» — история о Маше, которая перестаёт быть тенью и становится собой.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алина Константинова

Посмотри на меня

Глава 1

Раньше, ещё год назад, она не могла пройти мимо бездомного котёнка. Теперь — проходит. Даже не замедляя шага. Утром соседка, что живёт этажом ниже и стирает в неположенное время, попыталась её остановить:

— Марья, там кошка совсем худая, может возьмёшь к себе?

Маша ответила, глядя не на соседку, а на дверь лифта, который никак не приходил:

— Она справится. Я — уже нет.

Соседка больше не заговаривала. И правильно. Слова — как патроны в обойме: если их мало, промахиваться нельзя.

У неё больше не было сил даже на ту малую долю сочувствия, которую она раньше отдавала кошкам, нищим, коллегам в трудную минуту. Жалеть котёнка означало бы признать, что она всё ещё способна чувствовать. А чувствовать — значит бояться. Бояться, что тот, кого ты любишь, не вернётся. А он не вернулся.

Если он, такой сильный, такой правильный, погиб — то какой смысл заботиться о крошечной бездомной кошке?

Мир несправедлив, добро не вознаграждается, а если и вознаграждается, то посмертно — чем, кстати, не подарок? Животное выживет или умрёт — какая разница? Все мы, в сущности, бездомные кошки, только одни мяукают громче.

Люди струились мимо по тротуару, точно тихая вода в осенней канаве — серая, безликая, не помнящая ни начала, ни конца. Шорох шин, обрывки чужих голосов, случайные взгляды, которые падают на тебя и тут же умирают, не оставив и следа. Она — вместе с ними, как часть этого потока.

Департамент встретил её выцветшим светом. Стены, столы, лица — всё одного оттенка. Кабинет на третьем этаже, третья парта слева, стопка бумаг, которая каждое утро ждала её. И её собственная тень — она падала на одно и то же пятно на линолеуме.

Коллеги перебрасывались пустыми фразами: кто-то пил кофе; кто-то жаловался на погоду, хотя за окном было не то чтобы ясно, но и не дождливо; кто-то обсуждал вчерашний сериал, который никто не смотрел, но все делали вид, что смотрели, словно недосмотр за героями экрана мог быть зачтён как недосмотр за собственной жизнью.

Маша села на своё место — не поздоровавшись. Она не любила лишних телесных прикосновений, старалась ограничиваться молчаливым присутствием.

В ней не было той мягкой женственности, что притягивает взгляды. Но была хрупкость — напряжённая, будто её вот-вот раздавит. Глаза — не изумрудные, не яркие, а те самые,

что в просторечии называют «болотными»: серо-зелёные, с тёмными крапинками, — но при этом на удивление большие, и эта величина придавала взгляду нечто вроде глубины, которая могла сойти за загадочность, если бы ей дали шанс. Нос с лёгкой горбинкой. На подбородке — ямочка, почти детская, которая появлялась, когда она сжимала губы. Русые волосы какие-то стёртые, сероватые. Она не красила их, не укладывала, почти не расчёсывала — хватит и того, что стянуты в низкий пучок или небрежный хвост. Она могла бы быть красивой — если бы однажды поверила в это. Или если бы кто-то заставил её поверить.

Раньше она кивала, улыбалась, спрашивала «как дела», хотя ответы были известны заранее. Теперь просто садилась. И это молчание казалось ей единственной честной формой общения.

Лена, вечная оптимистка, первой нарушила тишину.

— Маш, слышала? Со следующего месяца зарплату поднимают.

Маша перелистнула страницу отчёта, не поднимая головы. Отчёт был по объекту, который она проверяла уже трижды, и каждый раз находила одну и ту же ошибку, которую никто не исправлял.

— Деньги не делают счастливым, — сказала она тем ровным, почти отсутствующим голосом, каким говорят о вещах, которые знаешь наизусть. — А только помогают несчастным выжить. Но у меня уже нет желания выживать.

Лена поперхнулась кофе. Кто-то из угла хмыкнул — то ли одобрительно, то ли просто воздух застрял в горле. Маша не обратила внимания. Она уже выключила звук.

«Ну и хорошо», — подумала она, в который раз проверяя ту самую ошибку. Ошибка никуда не делась, и это почему-то успокаивало.

Коллеги за соседним столом оживлённо обсуждали новость — государственным служащим поднимали зарплату на тринадцать процентов. Кто-то уже прикидывал, на сколько буханок хлеба больше, кто-то мечтал о новой сумке. Маша не слушала. Она смотрела на свои пальцы, которые бегали по клавиатуре, и думала: «Всё равно мало».

И это было единственной оценкой, которую она готова была вынести.

День обещал быть таким же бессмысленным, как и предыдущий. И он не обманул ожиданий. Отчёты, звонки, подписи. Маша работала быстро, почти механически, как заводной механизм, у которого села пружина, но он всё ещё движется по инерции. Пальцы бегали по клавиатуре, подпись ложилась чётко, без помарок — за время работы она научилась подписывать не глядя, так же как научилась не замечать того, что происходит вокруг. К часу она сдала две проверки, которые другие делали три дня. Начальник, принимая папку, крякнул и ничего не сказал — привык. Она просто делала и уходила.

В столовой пахло пережаренным маслом — запахом, ко-

торый, казалось, въелся в стены ещё с советских времён и не собирался выветриваться, сколько ни проветривай. Лена, Игорь, ещё пара коллег — всё те же лица, те же голоса, одни и те же темы. Лена жаловалась на свекровь. Игорь ковырял вилкой рис и рассказывал про соседей сверху: опять залили, теперь на кухне плесень, жена не знает, чем вывести. Никто особенно не слушал, но все кивали — так тут принято.

— У меня свекровь на прошлой неделе юбилей отпраздновала, — щебетала Лена, нарезаая котлету на мелкие кусочки, будто боялась, что та убежит. — Семьдесят лет, представляешь? Сорок гостей, ресторан, танцы до утра.

— А у нас ремонт, — вздохнул Игорь, ковыряя вилкой рис. — Второй месяц. Соседи сверху залили, теперь стены переделывай. Уже и обои выбрали, и люстру купили, а всё равно не то.

— Ой, это ерунда, — отмахнулась Надежда Петровна. — Вот у меня у сестры с детьми проблемы. Старший в школу пошёл — учительница жалуется каждый день. Говорит, неуправляемый.

— Дети — это не ремонт, — заметил Игорь. — Стены переделать можно, а ребёнка — не переделаешь.

— Точно, — вздохнула Лена. Помолчала, потом повернулась к Маше, которая всё это время молча переключивала еду с места на место, не поднося вилку ко рту:

— А ты, Маш, как? Что в личной жизни? Вы не сошлись вновь с Вячеславом?

Маша подняла голову. Не сразу — так просыпается уличная кошка, которая всю ночь бродила по пустым улицам и теперь, застигнутая утренним светом, не знает, радоваться ли ей или снова закрыть глаза, чтобы ничего не видеть.

— Мой бывший решил, что жизнь слишком скучна без риска быть убитым, — сказала она, глядя в окно, где серое небо сливалось с серыми крышами. — Не могу сказать, что я его не понимаю.

Лена перестала жевать на секунду. Игорь поднял голову, но тут же опустил — не его проблема. Кто-то из угла хмыкнул, но тут же притворился, что кашляет.

— Мы не знали, что он погиб... — начала Лена, и голос её сорвался на ту ноту, которую Маша ненавидела больше всего, — сочувствие.

Маша встала. Её лицо ничего не выражало — ни боли, ни гнева, ни даже усталости, которая стала её вторым «я».

— Теперь знаете, — сказала она.

— Мне жаль, — тихо произнесла Лена. — Упокой, Господи, его душу...

— Бог взял отпуск. Или уволился по собственному желанию. Не уточняла.

На секунду в столовой повисла тишина, которая бывает после неудачной шутки, когда никто не знает, смеяться или сделать вид, что не расслышал. Потом Игорь фыркнул. Лена прикрыла рот ладонью, но плечи её тряслись — нервно, безудержно, как у человека, который слишком долго сдержи-

вался. Даже Надежда Петровна, обычно хранившая невозмутимость, не выдержала — уголки её губ дёрнулись, и она, покачивая головой, уткнулась в телефон с видом человека, который случайно увидел нечто неприличное. Смех был недолгим, почти истеричным, но он разрядил воздух. Лена покачала головой.

— Ну ты даёшь, — выдохнула она.

Маша взяла поднос и направилась к стойке, не улыбнувшись, не обернувшись. Но внутри, где-то глубоко, под слоем той самой пустоты, шевельнулось что-то похожее на удовлетворение. «Всё, что нас не убивает, даёт нам болезненное чувство юмора», — подумала она.

Рабочий день дотянул до вечера. Отчёты, звонки, подписи сменились привычной тишиной пустого кабинета, в которой каждый звук — скрип половицы, гул лампы, далёкий лифт — казался громче, чем положено. Маша не спешила. Она сидела за своим столом, смотрела на экран, где чертежи чужого проекта складывались в правильные, но безжизненные линии, и думала о том, что сегодня она ни разу не подумала о Вячеславе. Целых восемь часов — если не считать той короткой минуты в столовой.

***

Танцевальный зал — просторная комната с зеркалами и станком. Маша переделалась. в центр вышла преподаватель-

ница. Молодая, лет двадцати пяти, с тёмными волосами, стянутыми в тугой узел. Облегающий топ открывал руки, на которых при каждом движении перекачивались мышцы — не рельеф культуристки, а та сухая, динамичная сила, которая бывает у танцовщиц High Heels. Музыка ударила с первого такта — не мелодия, а плотный, как удар сердца, ритм. Преподавательница двигалась так, будто вела диалог с залом: резкий выпад, поворот головы — и её глаза сверкнули в зеркале. Она не улыбалась. Её лицо было сосредоточенным, почти злым, но это была не злость — страсть, которую она высекала из воздуха.

Маша пришла на танцы почти год назад — тогда её тело жило своей жизнью, отдельно от неё: напряжённое, неловкое, будто она всё ещё ждала разрешения занять место в пространстве. Теперь тело слушалось. Не только потому, что она стала гибче или сильнее — просто исчез страх показаться смешной. Она перестала оглядываться на других, перестала проверять, правильно ли выглядит в зеркале. Движения стали её собственными: резкими, упрямыми, почти злыми, как у преподавательницы.

Уверенность пришла незаметно. Не как озарение, а как привычка — однажды она поймала себя на том, что ждёт занятий не как приговора, а как забвения — потому что только в этом размеренном, почти гипнотическом повторе всё прочее теряло очертания и смысл.

В танце можно было выплеснуть всё — дать волю тому,

что копилось в подполье души: и нерастроченный, почти злой потенциал, и тёмную сторону. А их, этих сторон, у неё прибавилось. Злость на Вячеслава — что ушёл воевать (как будто именно этого ей и не хватало для окончательного отчаяния), что погиб (хотя мог бы и не уходить), что она ему отказала (и тут же возненавидела себя за этот отказ). Злость на себя — самую трудную, от которой не отделяются одним танцем.

И ещё — какая-то новая жестокость, которая раньше не просыпалась. Маша не выставляла её напоказ, но и не прятала под подушку. Просто позволила себе быть неудобной — такой, какой никогда не была. И, как ни странно, именно в этом чувствовала себя впервые у себя дома.

Она вернулась домой уставшая — до дрожи в ногах, до приятного жжения в мышцах. Эта усталость была почти счастьем. Потому что, когда тело требует только одного — лечь и не двигаться. Физическая усталость — это такое счастье, которое не нужно ни с кем делить.

Мать уже спала, телевизор работал на минимальной громкости.

Маша тоже легла, закрыла глаза. Тело гудело, под веками мельтешили обрывки танцевальных движений. Хорошая усталость. Спокойная. Она заметила: чем меньше она хотела, тем легче становилось дышать.

Сон подкрался быстро, но перед тем, как провалиться в темноту, она поймала себя на мысли: «Отсутствие желаний

— это же нирвана. Выходит, я почти буддистка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.